

Фаддей Булгарин

Ничто, или Альманачная статейка о ничем

Фаддей Венедиктович Булгарин Ничто, или Альманачная статейка о ничем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18909936

Аннотация

«В течение шести лет я в первый раз попал в общество Литераторов и, так называемых, любителей Словесности, именно у нас, на Новоселье. В эти шесть лет произошла большая перемена в наших литературных обычаях, чувствованиях, связях и взаимных отношениях, как будто бы каждый протекший год поглотил целое десятилетие. Я увидел новое поколение Писателей – и не узнал старого. В течение сего времени, одних вел Аполлон вперед, а Фортуна подталкивала, других Аполлон отталкивал, а Фортуна лелеяла. Третьим благоприятствовали оба сии божества... Но об этом ни слова более. Довольно того, что вот мы, Писатели, все вместе у вас, как в Иосафатовой долине!...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Фаддей Булгарин

Ничто, или Альманажная статейка о ничем

(Письмо к А. Ф. Смирдину)

*«Meine Bitterteit edmmt nur aus den Galldpteln
meiner Dinte, und menn Gift in mir ist, so ist es doch nur
Gegengist.»*

Geine¹

В течение шести лет я в первый раз попал в общество Литераторов и, так называемых, любителей Словесности, именно у нас, на Новоселье. В эти шесть лет произошла большая перемена в наших литературных обычаях, чувствованиях, связях и взаимных отношениях, как будто бы каждый протекший год поглотил целое десятилетие. Я увидел новое поколение Писателей – и не узнал старого. В течение сего времени, одних вел Аполлон вперед, а Фортуна подталкивала, других Аполлон отталкивал, а Фортуна лелеяла. Третьим благоприятствовали оба сии божества.... Но об этом ни слова более. Довольно того, что вот мы, Писатели, все вместе

¹ «Горечь моя проистекает единственно из чернильных орешков, входящих в состав моих чернил, и если во мне есть яд, то это не яд, а только противоядие....» *Гейне*.

у вас, как в Иосафатовой долине!

Бывало, Литераторы, собираясь вместе, сливались в одну душу, как искры Шампанского в одной рюмке. Ныне, они сходятся, и притом так плотно, как косточки игры домино – но только не спаиваются. Ужели и Литераторов, как игорные косточки, разделяет *интерес*? – Хотя бы я знал, но не скажу.

Чту и уважаю всех великих и малых моих Парнасских собратий; но должен признаться, что в этот день душа моя была так сжата, как книга в тисках переплетчика, а язык висел во рту, как незаведенные часы на стальном крючке у часового мастера. Из всех чувств только *вкусу* было *хорошо*. *Зрение* страдало от необычайной пестроты; органам *слуха* было больно от нестройных похвал и вежливости; *обоняние*, как чутье оленя, следило ловцов и сети, а *осязание* сообщало сердцу – дрожь, при каждом неискреннем пожатии моей руки. Какая-то тоска давала мне предчувствовать, что я в этот день должен разрешиться, непременно, какою-нибудь глупостью!

После обеда, когда поднесли мне лист бумаги, на котором написаны были имена Литераторов, изъявивших желание составить для нас Альманах, – я, взглянув на список, забоялся, чтобы *гласные* буквы, в некоторых из сих имен, не заревели от ужаса, встретясь с согласными буквами в других именах, отвергающих *союз* даже в Грамматике. Если бы все сии имена закупоришь в бутылку, думал я, но бутылка верно лопну-

ла б от брожения. Хорошо, что эти имена встретились за бутылкой!..

Я вписался *последним* в список лучезарных имен, но все не от уничижения, а потому, что *последнего* места я никогда не почитаю *нижайшим* или *унизительным*, ибо знаю много случаев, где похвальнее быть последним чем первым; например, в *ретираде*, в *передней*... Но довольно и этих двух примеров. Конечно тем, что исполняю мое обещание.

Но как исполняю? Вот задача! Все почтенные и высокопочтенные мои собратья Парнасские, вероятно, дадут вам статьи, высоко ценимые нами – статьи важные, полновесные, а потому вам именно будет недоставать того, что даю я, – а я даю вам *ничто*. Не пренебрегайте *ничем*, любезнейший Александр Филиппович! *Ничто* есть тоже, что *нуль*, а от сочетания *нулей*, с *единицами* родятся миллионы.

Верьте мне, *ничто* не есть вещь незначительная. Напротив того, *ничто* есть мать *всего*. Оглянитесь на ваши полки с книгами, и порассудите, чем держались многие наши Журналы, чем начинены наши расславленные Романы, наши медные Поемы, Повести, Баллады, Оды, Анакреонтики, Песни и Сказки! – Ей Богу, *ничем!* – Что есть авторская слава? – При родне, покровительстве и искательстве, это ключ к почестям, а без этого – *ничто*, вещь, за которую не дадут квасу напиток. – Но это *ничто* имеет свою прелесть, как всякое *ничто*, составляющее цель жизни и занятия большей части людей. Уверяю вас честью, что если б в вашем

книжном магазине и в вашей Библиотеке для чтения не было такого множества *ничего*, то вы не имели бы такого множества покупателей и читателей. Величайшая истина, сущая философическая аксиома есть та, что люди более всего любят *ничто*, и всю жизнь роняются за *ничем*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.